

УДК 811.512.145

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩЕЙ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ/ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА
В ТАТАРСКОМ И ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ***А.Р. Рахимова***Аннотация**

Проведенный анализ слов, выражающих общую положительную/отрицательную оценку человека, облегчает решение основных задач исследования тюркской лексики, характеризующей человека: выявления лингвистических особенностей данной тематической группы лексики и определения источников ее формирования. Среди лексических средств выражения общей оценки преобладают слова с положительным значением. Наряду с исконно тюркскими словами, составляющими большую часть изученной лексики, значительное место занимают лексемы, заимствованные из контактирующих неродственных языков.

Ключевые слова: лексика, тематическая группа, характеристика человека, положительное значение, тюркские языки, оценочная лексика, татарский язык.

Тюркская лексика, характеризующая человека, до сих пор не была объектом отдельного рассмотрения. Между тем в последнее время значительно усилился интерес лингвистов, изучающих самые разные языки, к исследованию запечатленного в языке образа человека.

Цель настоящей работы заключается в изучении лингвистических особенностей тюркских слов, выражающих общую положительную или отрицательную оценку человека, и установлении источников их формирования. Объект исследования составляют лексические средства, выражающие общую оценку человека, в татарском и других тюркских языках. Источниками языкового материала послужили двуязычные словари тюркских языков, сборники текстов, а также древнетюркский и этимологический словари¹.

Общеизвестно, что лексика представляет собой особый уровень языка, который не поддается исследованию в полном объеме. Следовательно, целесообразным является изучение различных тематических или семантических групп лексики. Разумеется, все тематические группы по-своему важны и изучать их необходимо. Исследование лексических единиц, связанных с характеристикой человека, является актуальным в силу того, что в них отражено познание, описание, оценка человека человеком. Кроме того, для слов данной тематической группы характерно наличие эмоциональной, экспрессивной оценки, которая

---

¹ См. список источников.

подчеркивает соответствие или несоответствие тех или иных качеств общепринятому эталону.

В целях раскрытия закономерностей исторического формирования лексики языковеды применяют сравнительно-исторический метод, а для того чтобы показать современное состояние развития лексики и семантики, используется сопоставительный метод. В настоящем исследовании мы также обращались к названным методам. Теоретической основой нашего исследования послужили труды по сравнительно-исторической и сопоставительной лексикологии тюркских языков таких лингвистов, как Э.В. Севортыян [1], Э.Р. Тенишев [2], К.М. Мусаев [3], В.И. Рассадин [4], Р.Г. Ахметьянов [5], А.Г. Шайхулов [6] и др.

Формирование и развитие лексики любого национального языка зависит от внешних (общих, экстралингвистических) и внутренних (частных) факторов. Под внешними факторами следует понимать исторические условия, в которых находятся носители языка, а также социальные и бытовые реалии, оказывающие непосредственное влияние на жизнь людей. Среди внутренних факторов отметим процесс постепенного расширения семантического поля лексем, явление метафоризации, развитие мотивированных производных основ.

Развитие лексики, характеризующей человека, связано с процессом формирования общества. Если обратиться к текстам памятников древнетюркской письменности, то можно заметить, что языковые средства, используемые в них для описания человеческих качеств, намного беднее по сравнению с лексикой более позднего времени. В текстах орхоно-енисейских памятников VIII – IX вв., например, зафиксировано сравнительно небольшое количество слов, отвечающих данной тематике. В человеческом обществе в то время положительными качествами считались мудрость, меткость (в стрельбе из лука), сила, благородство и т. д.: *bilgə* ‘мудрый’, *arig* ‘нравственно безупречный’, *alp* ‘отважный, храбрый, смелый’, *uyarlig* ‘влиятельный; могущественный’. Среди слов, называющих отрицательные качества человека, встречаются следующие: *biligsiz* ‘невежественный’, *uzsuz* ‘неловкий, неумелый’, *çigaj* ‘бедный, неимущий’ (ДТС, с. 36, 52, 99, 100, 148, 607, 621) и т. п. Наиболее часто употреблялись слова, выражающие общую положительную или отрицательную оценку, например *edgü* ‘хороший, добрый’, *yeg* ‘хороший’, *yablaq*, *yabiz* ‘дурной, плохой’ (ДТС, с. 163, 222, 252) и т. п.

В ходе дальнейшего развития общества появились слова, значения которых содержали в себе более точные оценочные суждения, более полную характеристику. Например, в текстах Турфанской коллекции, написанных уйгурским письмом (IX – X вв.), уже встречаются такие слова, как *asra* ‘смирный, покорный’ (ДТС, с. 60), *azmiş* ‘*пел.* заблудший’ (ДТС, с. 73), *bujanlig* ‘благочестивый’, *bujansız* ‘лишенный добродетели’ (ДТС, с. 121), *qanıncısız* ‘ненасытный’ (ДТС, с. 418), *türk* ‘сильный, могучий’ (ДТС, с. 599), *jumşaq* ‘мягкий, нетвердый; нежный’: *yılıg jumşaq bolgil* ‘будь приветливым, мягким (в обращении)’ (ДТС, с. 280) и др.

В памятниках XI – XIII вв., например в «Дивану люгат-ит-тюрк» М. Кашгари, «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни, «Атебетуль хакаик» А. Югнеки и др., отмечается наличие более разнообразной лексики, позволяющей описывать характерные особенности человека: *sag* ‘здоровый, благополучный’ (ДТС, с. 480) > общетюрк.

cau/cağ ‘здоровый’, *uvutlug* ‘стыдливый, застенчивый’ < *uvut* ‘стыд’, *uvut ajat* ‘нарн. стыд’ (ДТС, с. 619) > тат. *оят* ‘стыд’; тур. *utan-* < *uvutan-* ‘стыдиться’; *telii* ‘дурак, слабоумный, безумный’ (ДТС, с. 551) > *тиле/deli* ‘безумный, слабоумный; потерявший голову (от любви, горя и т. п.)’; *usal* ‘беспечный; нерадивый’ (ДТС, с. 616) > тат. *усал* ‘злой, злобный’, башк. *усал* ‘злой, грозный’; кум. *усал* ‘слабовольный, малодушный’; ср. также монг. *осолтой* 1. ‘небрежный, неосторожный’, 2. ‘опасный, вредный’: *осолтой хүн* ‘опасный, вредный человек’; др. тюрк. *javaş* ‘мягкий, кроткий; прирученный, домашний (о животных)’ < *javał-* ‘успокаиваться, становится смирным’ (ДТС, с. 248) > тат. *юаш* ‘кроткий’, кум. *юаш* ‘спокойный, тихий, уравновешенный; смиренный, кроткий, безропотный’ и т. д.

В ходе дальнейшего развития общества происходило еще более глубокое осознание одного человека другим, что было связано с формированием этических норм, в основу которых легли верования, обычаи и религиозные взгляды. Поступки и качества человека начинали характеризоваться с точки зрения их соответствия религиозным нормам. Языковые памятники Средневековья отличаются богатой лексикой собственно тюркского происхождения, характеризующей человека, также отмечается большое количество арабских и персидских заимствований. Например, следующая стихотворная строка Ахмета Ургенчи (XIV в.) так характеризует Тимурлана, разгромившего город Ургенч: *И залим вэ канхур, вэ тамуг ут якары, бибааш...* (БТ, б. 243) «Эй, тиран и кровопийца, зажегший огонь ада, безрассудный...» (перевод наш. – А.Р.). Слово *залим* ‘жестокий; деспот, тиран’ является арабским заимствованием, *канхур* ‘кровопийца’ образовано от тюркского *кан* ‘кровь’ и персидского слова *хур/хор* ‘поедающий’, *бибааш* ‘глупый, бестолковый’ образовано от тюркского слово *бааш* ‘голова’ при помощи персидского префикса *би-* ‘без’ (вместо тюркского аффикса *-сыз/-сез*).

Лексика современных тюркских языков содержит большое количество слов, принадлежащих к данной тематической группе, среди которых есть лексические единицы как тюркского, так и иноязычного происхождения. Значительная часть слов, обозначающих характерные особенности человека, имеет древнетюркские корни. Например, *көчле/güçlü* ‘сильный’, *көчсез/güçsüz* ‘бессильный’, *küç* ‘сила’, *küçlüg* ‘сильный, могущественный’, *küçsüz* ‘бессильный, слабый’ (ДТС, с. 323–324); *өркәк* ‘боязливый’ / *ürkek* ‘трусливый, робкий’, *ürk-* ‘пугаться, страшиться’ (ДТС, с. 626), *күркәм* ‘симпатичный на вид’, *күрекле* ‘красивый, статный’ / *görkemli* ‘солидный, видный’ (восходит к древнетюркскому корню *körk* ‘образ, изображение; красота; вид, признак, примета’) (ДТС, с. 317) и многие другие.

Следует отметить, что в ряде тюркских языков слова, используемые для характеристики человека с общей оценкой «хороший» или «плохой», немногочисленны. Однако, анализируя даже такую небольшую лексико-тематическую группу слов, к примеру, татарского языка, можно увидеть, что этимологически они восходят к разным источникам, прошли разные пути семантического развития. Рассмотрим отдельно группы слов, передающих общую положительную и отрицательную характеристику человека.

1. Лексические средства, выражающие общую положительную оценку человека

Для выражения общей положительной оценки очень часто употребляется слово *яхшы* ‘хороший, добрый’, имеющее фонетические варианты *йахшы/йагшы*. От данной основы образуется лексема *яхшылык* ‘доброта’: *Яхшы кешеләрнең яхшылыгы // Чәчәк булып үсә һәр җирдә* (Г. Афзал) (МЭ, б. 241) «Доброта хороших людей словно // Цветок распускается по всей земле» (перевод наш. – А.Р.). Наиболее распространенным данное слово является в кыпчакских тюркских языках: казах. *жаксы* ‘хороший’; кум. *яхшы* ‘хороший, добрый’; кир. *жакшы* ‘хороший; уст. знатный’; в старо-узбекском языке – *йахшы* ‘хороший, добрый’ [7, с. 494]; в гагаузском языке данная лексема отсутствует, а в народно-разговорном турецком языке встречается форма *yahşi* ‘хороший, прекрасный’. В азербайджанском языке *јахшы* ‘хороший’ употребляется наряду с *көзал* и *гәшәнк*. В хакасском языке встречается вариант *чаксы* ‘хороший’. Согласно древнетюркскому словарю слово *jaqşı* встречается в «Кутадгу билиг» (XI в.) и «Легенде об Огуз-кагане» (XIII в.) (ДТС, с. 238). Происхождение слова *яхшы/якшы/ягышы* Р.Г. Ахметьянов вслед за Г. Рамstedтом связывает с древнетюркским словом *йакшыыг* ‘миловидный’ (ТТ, с. 266). Основа *йакшыык* встречается в гагаузском и турецком языках в словах *йакшыыклы* ‘подходящий, ладный, удобный’ и *yakışıklı* ‘симпатичный, красивый; подходящий’, но как отдельное слово не употребляется. Следует также указать, что в древнетюркском словаре зафиксирован глагол с основой *jaqış-* ‘подходить, нравиться’ (ДТС, с. 238).

При выражении общей положительной оценки человека в татарском и других тюркских языках наряду со словом *яхшы* активно употребляется слово *юньле* (в диалектах – *жунне*) ‘толковый, умный; путный, порядочный’: чув. *йунле* ‘хороший, достойный; спокойный, сдержанный; здравомыслящий’, башк. *юнле* ‘толковый, путный, порядочный; подходящий’. Основа *юнь/йун* функционирует как самостоятельная лексема во всех трех языках: тат. *юнь* ‘толк, способность; способ, средство’, чув. *йун* ‘сила, бодрость; здравый рассудок; толк, смысл; порядок’, башк. *юнь* 1. ‘средство, способ’, 2. ‘способность, толк’. Согласно «Этимологическому словарю тюркских языков» данные слова восходят к общему историческому корню, который в процессе семантического развития приобрел новые значения. Их можно объединить в следующие группы: 1) ‘сторона; отношение’; 2) ‘способ, образ, способность, толк, порядок; толковый, подходящий’; 3) ‘простой, дешевый’ (ЭСТЯ, с. 232–233). Значение ‘образ, толк, порядок; толковый’ появилось и широко употребляется лишь в тюркских языках Волго-Уральского региона. Однако следует отметить, что слово *жөн* ‘правильный; действительный; дельный, способный’ встречается в казахском и киргизском языках. От него в казахском языке образуется глагол *жөнделу* ‘налаживаться, исправляться’ и прилагательное *жөнсіз* ‘неуместный (поступок); непорядочный (человек)’. В киргизском языке есть слово *жөндүү* ‘ладный, дельный’, *жөнсүз* ‘нехороший, непутевый, непристойный’. Как видим, в казахском языке отсутствует вариант с положительной оценкой. Можно предположить, что лексемы *жөн*, *жөнсіз/жөнсүз* могли появиться в казахском и киргизском языках в результате контактов с татарским и башкирским языками.

В татарском языке слова *яхшы* и *эйбэт* употребляются параллельно: *эйбэт* ‘хороший, безукоризненный, славный’ < араб. *һэйбэт* ‘хороший, прекрасный’. Ср.: башк. *эйбэт* ‘хороший’, кум. *айбат/айбатлы* ‘красивый, прелестный, очаровательный’ и др.

В языке астраханских татар встречается слово *ару* ‘хороший’, которое можно сопоставить с ног. *аьруь* ‘красивый, добрый’. Ср. также: кум. *арив* ‘красивый, великолепный’. В татарском языке употребляется твердый вариант данного слова – *ару* ‘чистый, опрятный, приличный; хороший, добрый; здоровый’. В современном татарском языке оно перешло в пассивный словарь, уступив свое место таким лексическим единицам, как *чиста* (< рус. *чистый, чисто*), *эйбэт* (< араб. *һэйбэт*), *саламэт* (< араб. *саламэт*). В башкирском языке существуют выражения *арыу кеше* ‘неплохой человек’ и *яхшы кеше* ‘хороший человек’; следовательно, лексема *арыу* в башкирском языке наряду со своим основным значением может выражать и слабую степень проявления признака. В тувинском языке *арыг/арыг-силиг* означает ‘опрятный, аккуратный’. Лексема *ару/арыу/арыг* восходит к древнетюркской основе *ari-* ‘очищаться’ < *arig* ‘чистый; перен. нравственно безупречный, порядочный’ (ДТС, с. 51–52).

При характеристике человека слово *чын* в татарском языке употребляется для обозначения очень хорошего, достойного человека: *Чын кеше булган кеше үзенең кешелеген беркайчан да югалтмыйдыр* (М. Әмир) (МӘ, б. 240) «Настоящий человек, пожалуй, никогда не растеряет своей человечности» (перевод наш. – А.Р.). Анализируемое слово сохранилось и активно употребляется в следующих современных тюркских языках: башк. *ысын* ‘настоящий; истинный’, кирг. *чын* ‘истина, правда; истинный, настоящий’, хак. *сын* ‘подлинный’, тув. *шын* ‘правда, истина; правильный, истинный’. Слово *чын* отсутствует в современных тюркских языках огузской группы, однако следует отметить, что оно зафиксировано в словаре Ш. Сами «Камус-и тюрки», где указано на употребление этого слова только в составе устойчивого выражения *çin sahih, sadik*: *çin sabah = sahh sadik – yalnız bu tabirde müstameldir* (КТ, s. 533), то есть «чын: настоящий, истинный; настоящее утро = истинный: употребляется лишь в этом выражении» (перевод наш. – А.Р.). В современном монгольском языке слово *чин* означает ‘непоколебимый’ и употребляется в словосочетаниях, схожих с тюркскими вариантами: *чин зурх* «непоколебимая храбрость» (*зурх* ‘сердце’), *чин зурхнээс* «из глубины души», *чин сүсэг* «глубокая вера», *чин үнэн* «истинная правда» и др. В древнетюркском словаре указывается на китайское происхождение данного слова – *чжэнь/çin*: *çin* ‘правда, истина; правдивый, правильный; настоящий, подлинный’ (ДТС, с. 148).

Семантическим вариантом слова *яхшы* в некоторых тюркских языках выступает *ийги/iyi*. Это слово восходит к древнетюркскому корню *edgü* ‘хороший, добрый’ (ДТС, с. 163–164) и функционирует в тюркских языках в разных фонетических вариантах: ног. *ийги* ‘хороший, добрый’ < *ийгилик* ‘благо, добро’, тур. *iyi* ‘хороший, благородный, добрый’, гагауз. *ии* ‘хороший, добрый’, тув. *эки* ‘хороший’ и др. В киргизском языке *ийги* ‘хорошо, хороший’ употребляется редко: *түсү ийги жигит көрүнөсүң* «ты, как я вижу, симпатичный парень», тогда как слова *ийгилик* ‘доброе дело’ и *ийгиликтүү* ‘приносящий добро’ входят в состав активной лексики (КРС, с. 296). Данный древнетюркский корень в татарском

языке сохранился в слове *игелек* ‘доброта’. Несмотря на то что четко выделяются словообразовательные аффиксы *-лек* и *-ле*, основа *иге* в татарском языке самостоятельно не употребляется. Семантика слова *игелекле* ‘добрый, добродетельный’, образованного от *игелек*, в современном татарском языке несколько сузилась. Данное слово употребляется в основном при характеристике детей (по отношению к родителям): *игелекле бала* «сын (или дочь), делающий добро, помогающий родителям; ухаживающий за престарелыми родителями».

Историческим вариантом *иге/edgü* является слово *изге*, в котором наблюдается чередование звуков *д/з*. В татарском языке слово *изге* означает ‘святой; добрый; благочестивый’. Таким образом, в огузских языках данное древнетюркское слово сохраняет древнее значение ‘хороший’, а в кыпчакских языках появились новые семантические оттенки. В них значение ‘хороший’ закрепилось за лексемой *яхшы/якшы* < *йакыш-ыг* ‘одобряемый, подходящий’. В турецком языке употребляется глагол с основой *yakış-* ‘подходить; быть достойным’ и производное от этой основы слово *yakışık* ‘пригожесть, красота; годность, соответствие’.

К рассматриваемой тематической группе следует отнести также лексему *ипле* ‘обходительный, учтивый, вежливый; умелый, искусный’. В некоторых языках сохранились лексемы, основа которых представлена только корневой морфемой: кум. *эн* ‘путь, способ, выход’, кирг. *эн* ‘умно, дельно, ладно, правильно; удобно’, чув. *ип* уст. ‘польза, выгода, прок; хороший результат, благополучный исход’; а также употребляются производные от него: кум. *элли* (*адам*) ‘обходительный (человек)’, кирг. *эптүү* ‘ловкий, проворный, находчивый’, чув. *ипле* ‘налаженный, уместный, удобный’ и др.

Кроме проанализированных слов для выражения общей положительной оценки человека в редких случаях могут употребляться и такие лексемы, как *кешелекле* < *кешелек+ле* ‘человечный, отзывчивый, добрый; порядочный, благородный’ и *яхшы холыклы* ‘с хорошим характером’. Основа *кешелек-* ‘человечность’ зафиксирована в памятнике XI века «Кутадгу билиг»: *uquşlug kişidin kişilik kelür* «от разумного человека идет человечность» (ДТС, с. 310). Словосочетание *яхшы холыклы* состоит из слов *яхшы* ‘хороший’ и *холык* (‘нрав, характер’ < ар. *хольк* ‘характер, нрав; натура’) + *-лы*. Любопытно, что в древнетюркских памятниках в значении «характер» зафиксировано слово *qılıq* ‘поведение, характер, нрав’ (ДТС, с. 443). Ср.: башк. *кылык* ‘выходка, поступок; поведение; характер, нрав; привычка’. Внешне слова *холык/хольк* и *кылык* очень похожи, однако мы склонны считать это случайным совпадением, так как *qılıq*, по всей видимости, образовано от глагола с основой *qıl-* ‘делать, действовать, поступать каким-либо образом’ (ДТС, с. 442).

Таким образом, из восьми проанализированных слов пять этимологически восходят к тюркскому языку: *яхшы*, *юньле*, *ипле*, *ару*, *кешелекле*. Слово *эйбэт* является арабским заимствованием, а *чын* имеет китайское происхождение. Активность этих лексем также не одинакова: *ару* и *ипле* употребляются реже остальных.

2. Лексические средства, выражающие общую отрицательную оценку человека

Для выражения общей отрицательной оценки человека в татарском языке широко употребляется слово *начар* < перс. *na* 'без' + *çar* 'выход, способ'. Итак, слово *начар* в языке-источнике означает 'безвыходный'. Мы предполагаем, что в появлении у рассматриваемого слова значения 'плохой' в татарском языке промежуточную роль могло сыграть выражение *Хәле (саулыгы) начар. Начар – үлем алдында* «Состояние (здоровье) плохое (безвыходное). Настал предсмертный час» (перевод наш. – А.Р.). Как было указано выше, лексема *осал/усал* в тюркских языках имеет много разных значений. В уйгурском языке *осал* означает 'плохой, скверный, нехороший'. Весьма любопытно, что в узбекском языке *усал* употребляется в значении 'тяжело больной, безнадежно больной', лишь в диалектах встречается значение 'скверный'. В уйгурском языке *осаллик* означает «слабость, немощь, плохое состояние здоровья». Таким образом, мы видим, что развитие семантических полей слова *усал/осал* и заимствованного слова *начар* схожи. Подобный путь семантического развития слов мы наблюдаем и в турецком языке на примерах лексем *zor* и *güç* в значении 'трудный' [8, с. 133].

Общая отрицательная оценка человека нередко передается словом *юньсез* 'бестолковый, глупый'. Ср.: чув. *йунсер* 'недостойный; беспокойный, несдержанный; неуравновешанный; капризный, упрямый', башк. *юньез* 'бестолковый; дурной; беспорядочный'. Башкирское слово *юньез* так же, как и татарское *юньсез*, образовано от слова *юнь* 'толк, способность; способ, средство'.

В татарских говорах встречается слово *кыйты/койты* 'плохой (о человеке)'. Слово *който* 'дрянной, плохой' употребляется и в башкирском языке. В чувашском языке значение слова *кайтта* гораздо шире: 'плохой, скверный, негодяй; трудный, тяжелый; скудный, бедный; слабый'; как видим, оно употребляется не только по отношению к человеку. В тувинском языке встречается слово *куду* 'низкий (плохой)', которое, на наш взгляд, следует считать огузским элементом и сопоставлять с турецким *kötü* 'плохой'.

Р.Г. Ахметьянов отмечает, что слово *кыйты/койты* пришло в татарский язык из монгольского: *койты* 'плохой, худой, отрицательный' [9, с. 119], однако подробно его этимологию не рассматривает. На наш взгляд, данное слово генетически связано с монгольским словом *хойт* 'северный'. На эту мысль наталкивает возможность проведения любопытной семантической параллели между *койты* 'плохой, отрицательный' и астрах. тат. *тирес* 'плохой, несговорчивый', азерб. *тәрс* 'упрямый, своенравный'. Мы считаем, что тюркское слово *тирес/терс/тәрс* восходит к др. тюрк. *ters* 'превратный, неправильный; сложный' (ДТС, с. 555). В результате семантического развития оно приобрело значение 'север, северный'. В диалектах сибирских татар слово *тирес* употребляется именно в этом значении: *тирес* 'север', *тирес йарыт* 'полярное сияние' (СДСТ, с. 211).

Слово *яман* в татарском языке означает 'плохой, скверный, ужасный'. Любопытно, что данное общетюркское слово в турецком языке имеет положительное значение, а отрицательное считается неосновным: тур. *yaman* 1. 'поразительный, удивительный, ошеломляющий (о проявлении каких-либо качеств, свойств)'; 2. 'плохой, страшный'.

В говоре астраханских татар слово *йаман/жсаманай* 'плохой' активно употребляется при характеристике человека – *йаман кеше* 'плохой человек'; ср. кум. *яман* 'злой, плохой'. В татарском литературном языке это слово может употребляться в словосочетаниях типа *яман күз* «дурной глаз», *яман сүз* «плохое слово», *яман ат* «дурная слава». *Яман күңел мең мәртәбә ямьсез, // Ямьсездән дә ямьсез – битараф* (Н. Акмал) (МЭ, б. 203) «Скверная душа тысячу раз неприятна, // Однако равнодушные – хуже всего» (перевод наш. – А.Р.).

Кроме того, слово *яман/жсаман* в современных тюркских языках употребляется в значении 'очень': тат. *яман*, кирг. *жсаман* 'очень' (третье значение): *жсаман чоң* «очень большой, непомерно большой»; *жсаман жакшы* «очень хороший». В тюркских языках значение 'очень' для слова *яман* является вторичным, переносным, а основным выступает значение 'плохой, злой', зафиксированное еще в языке древнетюркских памятников: *јатап* 'плохой' (ДТС, с. 231).

Общая отрицательная характеристика человека может быть выражена словом *хольксыз* 'несдержанный, неуравновешенный, дурной по характеру': *Хольк начар булу начар, хольксызлык тагын да начар* (Ш. Галлиев) (МЭ, б. 181) «Иметь плохой характер – плохо, иметь дурной характер – еще хуже» (перевод наш. – А.Р.). В башкирском языке слова *холк* 'нрав, характер; натура' и *кылык* 'выходка, поступок; поведение; характер, нрав; привычка', а также производные от них *холькһоз* 'дурной по характеру' и *кылыкһыз* 'с плохим, дурным характером; своенравный' употребляются параллельно.

Нередко для характеристики человека используется слово *рәтсез* 'бестолковый, непутевый; безалаберный, беспорядочный'. В основе этого слова лежит заимствование из русского: *рәт* < *ряд*.

Следует отметить, что при общей отрицательной характеристике человека наиболее часто употребляются слова *начар* и *юньсез*. Лексемы *хольксыз* и *яман* встречаются несколько реже. Слово *койты/кыйты* является диалектальным, а *рәтсез* – разговорным вариантом.

На основе проведенного анализа мы можем констатировать, что лексика, отражающая общую положительную или отрицательную оценку человека, неоднородна по своему составу. Основную ее часть составляют слова тюркского происхождения, которые можно разделить на следующие группы: 1) общетюркские слова: *ару*, *яхшы*, *яман*; 2) слово, характерное для языков кыпчакской группы: *ипле*; 3) слова, общие для тюркских языков Волго-Уральского региона: *юньле/юньсез*, *койты*. Вторую часть исследуемой лексики образуют заимствования: 1) арабские и персидские слова: *эйбәт*, *хольк(сыз)*, *начар*, 2) русское заимствование: *рәт(сез)*; 3) китайское слово: *чын*.

Общеизвестно, что в лексике, служащей для описания черт характера и других особенностей человека, количество слов с отрицательной оценкой больше, чем с положительной. Причина данного явления, на наш взгляд, заключается в сопоставлении тех или иных качеств с общечеловеческими нормами: быть рассудительным, думающим – это норма для человека, а безрассудство – отклонение от нормы, которое осуждается. Так, в татарском языке существует слово *мисез* 'безмозглый', но при этом слово *миле* 'с мозгами' отсутствует. Достойный

человек действует так, как диктует этика, а проявление отрицательных качеств расценивается как нарушение нормативных принципов, принятых между людьми.

Однако при исследовании тематической группы лексики, дающей общую положительную или отрицательную оценку человека, ситуация несколько иная. Количественный анализ показывает, что среди лексических средств выражения общей оценки преобладают слова с положительным значением. Объяснение тому, что слов с общей положительной оценкой больше, чем отрицательных, на наш взгляд, можно найти в татарской народной поговорке *Яхшының гына чиге юк, яманның бер чиге була* «Нет предела хорошему, а плохому всегда бывает предел» (перевод наш. – А.Р.). Следовательно, чтобы назвать общее плохое не нужно много слов, а хорошее многограннее и для называния его в ходе исторического развития языка появляются все новые лексемы, как исконно тюркские, так и заимствованные. Среди исследованной исконно тюркской лексики преобладают общетюркские слова, что говорит о возникновении этих лексем в древности. Значительное место занимают слова, заимствованные из неродственных языков, что указывает на относительно поздние тесные контакты тюрков, в том числе и татар, с носителями этих языков.

Summary

A.R. Rakhimova. Lexical Means of Expressing Positive/Negative Evaluation of Human Beings in Tatar and other Turkic Languages.

The analysis of the words expressing general positive/negative characteristics of a person has made a considerable contribution in the research of the Turkic lexis that relates to the description of human beings. This made it possible to reveal the linguistic features of the above-mentioned lexical group and to define the sources of its formation. Generally, among the lexical means of expressing evaluation the words with positive meaning prevail. Along with original Turkic words, which constitute the majority of the words under study, there are also a large number of lexical units borrowed from contacting unrelated languages.

Key words: lexis, thematic group, person's characteristics, positive meaning, Turkic languages, evaluative lexis, the Tatar language.

Источники

- Башкирско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 804 с.
 Большой турецко-русский словарь. – М.: Рус. язык, 1998. – 958 с.
 ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
 КРС – Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 973 с.
 Кумыкско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 408 с.
 Монгольско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1957. – 711 с.
 Ногайско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1963. – 562 с.
 Татарско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 863 с.
 Тувинско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. – 721 с.
 СДСТ – *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.
 Уйгурско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 828 с.
 Чувашско-русский словарь. – М.: Рус. язык, 1985. – 712 с.

- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1989. – 293 с.
- БТ – Борынғы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 246 б.
- МӘ – Мин әйттем: Татар язучыларының афоризмнар, хикмәтле сүзләре, фәлсәфи уйланулары. – Казан: Мәгариф, 2008. – 287 б.
- ТТ – Әхмәтъянов Р. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
- КТ – *Sami Ş. Kamus-i Türki.* – İstanbul: Çağrı Yayınları, 1996. – 1574 s. (Сами Ш. Камус-и тюрки (Турецкий словарь). – Стамбул: Чагры, 1996. – 1574 с.)

Литература

1. *Севортян Э.В.* О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков // XXV Междунар. конгресс востоковедов – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – С. 1–12.
2. *Тенишев Э.Р.* О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // Сов. тюркология. – 1973. – № 5. – С. 119–124.
3. *Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1975. – 359 с.
4. *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.
5. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
6. *Шайхулов А.Г.* Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1999 – 225 с.
7. *Фазылов Э.И.* Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века: в 2 т. – Ташкент: Фан, 1966. – Т. 1. – 650 с.
8. *Рахимова А.Р.* Семантические особенности арабских и персидских заимствований в турецком и татарском языках // Востоковедение. Сб. ст. и докл. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – Вып. II, III. – С. 124–136.
9. *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. – М.: Наука, 1978. – 248 с.

Поступила в редакцию
20.05.10

Рахимова Асия Ризвановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии Института востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Asiya.Rahimova@ksu.ru